

RU

«Это было раненое сердце...»:
к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова

Демченко А. И.

EN

“It Was a Wounded Heart...”:
200th Anniversary of N. A. Nekrasov’s Birth

Demchenko A. I.

Очерк первый

Николай Алексеевич **Некрасов** (1821-1878) детские годы провёл в селе Грешнево (ныне Некрасово) Ярославской губернии, в имении отца. В 1832-1837 годах учился в Ярославской гимназии. В 1861-м приобрёл усадьбу в Карабихе, что в 15 км от Ярославля, куда приезжал на лето и где создавались многие его стихотворения и поэмы. Своим родным краем считал Ярославщину, где прожил в общей сложности 31 год из 56 лет жизни. Местом действия самого большого произведения («Кому на Руси жить хорошо») избрал именно ярославскую землю.

Великая русская река стала для Некрасова истоком восприятия жизни и сильнейшим импульсом для множества творческих начинаний. В поэме «**На Волге**» (1860) исходным мотивом становится горячий выплеск сокровенной эмоции отроческой души.

*О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке...*

И уже в детстве поэта в эту любовь ворвалась боль за тех подневольных, которые влачат свою горькую юдоль.

*Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне.*

Не эти ли душевные раны тех лет и дали России великого певца народных страданий?

*О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки –
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..*

С какой жгучей страстью бросает он столь заострённое обвинение всему строю жизни той поры («*Рекою рабства и тоски!*»). И поэта всечасно сопровождала эта двойственность отношения к Волге. С одной стороны, восторг, преклонение («*Благословенная река, кормилица народа!*»), с другой – неизбежная горечь и беспросветное отчаяние, как говорится о том в стихотворении «**Родина**» (1847).

*И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал жизнью последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть...*

* * *

Раннее творчество Некрасова пришлось на 1840-е годы, когда в искусстве ещё господствовали романтические тенденции. Они естественным образом затронули и молодого поэта, причём отголоски ставшего уже привычным круга выразительных средств и приёмов были ощутимы вплоть до середины 1850-х. Один из примеров тому – выдержанное в духе романтической баллады стихотворение «**Давно...**» (1855).

***Давно** – отвергнутый тобою,
Я шёл по этим берегам
И, полон думой роковую,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил –
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней – любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда.
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь – один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова –
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...*

Параллельно этому уже в середине 1840-х Некрасов переживал внутренний перелом, который сам он осознал как «*поворот к правде*». Много для этого осознания давало то, что в 1846 году он начинает издавать основанный ещё Пушкиным журнал «Современник» и превращает его в лучшее, влиятельнейшее издание своего времени. На его страницах публиковал свои последние статьи Виссарион Белинский, здесь начинал Лев Толстой, постоянно печатались Иван Тургенев, Иван Гончаров, Александр Островский.

Находясь в Петербурге, свой путь в литературе Некрасов нащупывал через критический анализ всякого рода изъянов, свойственных жизни северной столицы. «*Расследование по делу Петербурга*», проведённое им, начиналось с ряда чрезвычайно объёмистых фельетонов 1844 года («*Хроника петербургского жителя*», «*Петербургские дачи и окрестности*», «*Черты из характеристики петербургского народонаселения*»). В том же году появился водевиль «Петербургский ростовщик».

В этих сочных бытописательных зарисовках «физиономия» города и его жителей проглядывает весьма колоритно. Порой в своих фельетонах автор взвешивает «*плюсы*» и «*минусы*» петербургского жития, стремясь хоть чем-то вознаградить горожанина за те лишения, которые приходится терпеть от климатических особенностей.

Всех нас ожидает осень, без сомнения, грязная, холодная и сырая... Не сетуйте! За все неудовольствия, которые собираются надеть упорно неблагоприятная природа, сторицею вознаградит вас искусство! В живительном источнике художественного наслаждения почерпнёте вы новые силы бороться с петербургской природою, великодушно простите ей все ухищрения, столько раз отравлявшие вашу жизнь, столько раз угрожавшие вашему здоровью погибелью!..

Есть у нас на Руси всякие климаты; но что касается до меня лично, то я охотнее согласился бы жить в Петербурге даже тогда, когда бы в нём круглый год царствовала осень, чем, например, в Саратове.

Итак, одно за другое – в Петербурге бедна и сурова природа, зато жителям его открыто всё, что есть в искусстве прекрасного... Где, например, кроме Петербурга, можете вы по целым часам застывать перед «Последним днём Помпеи» Брюллова? Где у нас на Руси, кроме Петербурга, найдёте вы такой французский театр?..

И далее Некрасов перечисляет массу того, что может предоставить художественная жизнь только в Петербурге. Нетрудно почувствовать в сказанном не только юмористическую ноту, но и долю внутренней иронии. И, взвешивая баланс *pro et contra*, молодой литератор всё чаще склоняется к отрицательному взгляду на неблагоприятные условия жизни в столице. К примеру, уже с полной серьёзностью он говорит про петербургское лето: *«Доныне почти не проходило дня без дождя, соединённого с пронзительным ветром, доходившим иногда до свирепства, возможного только в бурю»*.

Когда же его взор перемещается с Петербурга вообще на низовую жизнь города, всё омрачается донельзя. Так, толкуя о *«простом русском народе»*, Некрасов ссылается на наблюдения коллеги-журналиста: *«Осмотрев помещения, занимаемые тысячами этих людей в Петербурге, трудно представить себе, чтобы так мог жить кто-либо. Теснота, сырость, мрак, спёртый воздух, нечистота превосходят во многих из подобных жилищ всякое вероятие»*.

Сам Некрасов непосредственно и очень подробно развил эту тему в написанном несколько позже развёрнутом очерке *«Петербургские углы (Из записок одного молодого человека)»* (1845), где его бытописательский талант погружается в «трясину» существования обитателей петербургского «дна». Чрезвычайно показательно уже самое начало этого повествования, когда его герой направляется через двор к ночлежке, в которой он намерен снять для проживания угол с нарами.

Целье моря открывались передо мною; с ужасом взглянул я на свои сапоги и хотел воротиться; казалось, не было здесь аршина земли, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши. Я решился сначала держаться как можно ближе стены, потому что окраины двора были значительно выше середины; но то была обманчивая и страшная высота, образовавшаяся от множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами из окон; ступив туда, нога вязла по колено, и в то же время в нос кидался неприятный и резкий запах.

Позднее этот, начинающийся таким образом очерк был целиком включён в повесть *«Жизнь и похождения Тихона Тростникова»* (1848), где панорама петербургской жизни представлена глазами молодого провинциала в многочисленных ипостасях – чаще всего неприглядного свойства.

* * *

Отталкиваясь от впечатлений, зафиксированных в первых пробах пера, Некрасов зрелых лет создаёт обличительный «апофеоз» города на Неве времён второй половины XIX века – именно такова поэма *«О погоде»* (1858-1865). Эпиграфом к ней взяты слова из фольклорного стиха, обозначенные поэтом как *лакейская песня*: *«Что за славная столица // Развесёлый Петербург!»*

Какой же в видении певца русской недоли предстаёт краса и гордость Российской империи? В соответствии с заявленным заголовком поэма открывается традиционным выпадом в адрес метеоусловий Северной Пальмиры: только что *«Вся столица молилась, // Чтоб Нева в берега воротилась»* (то есть, чудом удалось уберечься от очередного наводнения), но теперь приходится терпеть привычные погодные невзгоды.

*Начинается день безобразный –
Мутный, ветреный, тёмный и грязный.
Ах, ещё бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слёзы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!*

Подобное гнетёт каждого, и каждый в сердцах готов сказать: *«Злость берёт, сокрушает хандра, // Так и просятся слёзы из глаз»*. Продолжая наблюдения над погодой, рассказчик констатирует производимое ею всеобщее бедственное состояние.

*Ветер что-то удушлив не в меру,
В нём зловеющая нота звучит,
Всё холеру – холеру – холеру –
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы жёлчь не кипела ключом...*

И, конечно же, привычная картина, когда над городом повисает густой туман – *«душной, угрюмой, гнилой»*: тогда, без солнца, *«вся роскошь столицы – ничто»*.

Отталкиваясь от погодной специфики, автор не без умысла говорит в основном об осенней слякоти и жестоких морозах, хотя и в тёплую погоду город преподносит массу малоприятного: эти каналы, *«что летом зловонны»*, грязь на улицах, и город насквозь пропитан *«смесью водки, конюшен и пыли – // Характерная русская смесь»*.

«Под аккомпанемент» ненастной погоды поэт нанизывает череду горестных сюжетов, каждый из которых представляет собой *«тяжёлую сцену»* (некрасовская оценка первого из этих сюжетов).

Вот везут гроб мелкого чиновника.

*Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался*

*И четырнадцать раз погорал,
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил –
Всё начальство своё поздравлял.*

Даже сама смерть превращается для этого персонажа в пресловутые тридцать три несчастья:

- «Как ни дорого бедному жить, // Умирать ему вдвое дороже»;
- на похоронах ни единой родной души рядом;
- по дороге на кладбище дроги зацепила офицерская коляска, так что гроб вываливается на дорогу;
- в могильной яме «по колено вода» и покойника забрасывают «жидкой грязью».

Вот крестьянского парня сдают в рекруты, и слышится «рыдание баб истеричное!».

*По ведёрочку слёз на сестрёнок уйдёт,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмёт –
И без меры возьмёт – что останется!*

Или вот: «Под жестокой рукой человека // Чуть жива, безобразно тоща, // Надрывается лошадь-калека», и погонщик злобно избивает клячу не только кнутом, но и поленом.

И так далее.

Иные беды несут с собой петербургские морозы.

*Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья – идут чередом,
Мрут как мухи извозчики, прачки,
Мёрзнут дети на ложе своём.*

И тут же автор с убийственно мрачной иронией высказывает пожелание.

*Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.*

Разумеется, главный адрес всего, о чём вещает поэма «О погоде» – петербургская голь перекатная и беспросветность её существования: повсюду «холод, голод, сырые жилища... смрад и копоть... детей раздирающий плач // На руках у старух безобразных». Эта житейская тьма кромешная, этот петербургский ад являет собой предельно пессимистическое наклонение того критического реализма, который во второй половине XIX столетия буквально вопиял о неблагоприятии российского бытия.

Выполнена столь горестная страница отечественной словесности в типичном строе некрасовской лексики и эстетики: без малейших «поэтических» красот и витаний, на основе наглядной жизненной конкретности, с максимальной простотой слога и с его характерным «прозаизмом» (проза, положенная на ритм и рифму).

* * *

Вхождение в большую литературу было непростым и отнюдь не стремительным. И только десятилетие спустя после первых опубликованных вещей, то есть с середины 1850-х годов, начинался «настоящий» Некрасов.

Вехой расцвета его творчества стала вышедшая в 1856-м книга стихов, о которой Н. Чернышевский писал автору: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли “Ревизор” и “Мёртвые души” имели такой успех». Сам поэт удивлялся: «О книге моей пишут чудеса – голова могла бы закружиться... Неслыханная популярность, успех, какого не имел и Гоголь!»

Книга эта во всей полноте обозначила магистраль художественных устремлений, выросших позднее в то, что стали именовать некрасовским направлением: ярко выраженная социальная направленность, критический реализм, народность, демократизм, гражданская функция обличителя «верхов» и заступника угнетённых. Отныне он окончательно осознаёт себя народным поэтом («Я лиру посвятил народу своему» – слова, сказанные в конце жизни).

То был качественно новый этап отношения к народу, основанный на подлинно глубинном проникновении в чувства и мысли людей из низовой среды. В связи с этим К. Чуковский отметил такую отличительную особенность: среди русских поэтов той поры было немало тех, кто сострадал народу, но говорить от его лица умел только Некрасов. Удавалось ему это благодаря способности слить авторский внутренний мир с миром народной жизни и соответственно – слить свой индивидуально-лирический голос с народно-поэтической образностью.

Народ для него – это прежде всего крестьянство как абсолютно преобладающий слой тогдашней России. И он «отождествлял себя с крестьянской Россией, заговорил от её имени и её языком» (В. Жданов). Примечательна в данном отношении поэма «Коробейники» (1861) с её посвящением «Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)». То есть поэт-интеллигент без всяких околичностей «якшается» с простым человеком.

Вовсе не идеализируя крестьянскую массу, констатируя её темноту и забитость, Некрасов всеми силами утверждал непреходящие ценности народного бытия и славил труд, которым живёт русская деревня. О чём у него говорит крестьянский парень (стихотворение «Дума», 1861)?

*Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!
Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие –
Только треск стоял бы дб неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!*

И русская женщина хороша не только своей осанкой, но и умением в работном деле (поэма «Мороз, Красный нос», 1864).

*Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.*

*И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!*

Вот почему в стихотворении «Железная дорога» (1864), обращаясь к подрастающим из господского племени, от имени поэта говорится:

*Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.*

* * *

Воздвигая литературный памятник народной России и тому, на что она была способна, определяющей для себя Некрасов избрал тему страданий обездоленных масс. Среди венков на его похоронах был и с надписью «певцу народных страданий».

Ф. Достоевский по-своему проакцентировал столь существенную мотивацию творческих устремлений поэта: «Это было раненое сердце – и не закрывающаяся рана эта и была источником его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия».

Будучи свидетелем нескончаемой юдоли людской, горести и нужды человеческой, Некрасов в основном об этом и писал, бесконечно варьируя соответствующие мотивы. При этом его обострённая чуткость ко всему подобному проявлялась обычно не в плоскости «высоких» трагических материй, а в изображении повседневного быта, житейских будней.

Тем не менее, можно ли с большей болью поведать о бедственной доле труженика, чем сделано это в стихотворении «Несжатая полоса» (1854)?

*Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!..
Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?..»
Ветер несёт им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.
Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.*

Или можно ли представить себе более горькую и безысходную иронию (стихотворение «Калистратушка», 1863)?

*Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка,
Будешь жить ты припеваючи!»*

*И сбылось, по воле Божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!*

*В ключевой воде купаюся,
Пятернёй чешу волосыньки,
Урожаю дожидаяся
С непосеянной полосыньки!..*

От подобных конкретно-бытовых наблюдений и зарисовок поэт поднимался к самым широким обобщениям, за которыми вставала вся крестьянская Россия. Поистине программным в этом отношении стало стихотворение **«Размышления у парадного подъезда»** (1858) – не случайно его строфы стали любимой студенческой песней того времени («Назови мне такую обитель...»).

*Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великую скорбью народной
Переполнилась наша земля –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судьб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..*

В ряде случаев Некрасов считал необходимым указать на виновников людских несчастий, в том числе позволить себе выпад против верховной власти. К примеру, в поэме **«Коробейники»**, говоря об этом, он подразумевал бедствия Крымской войны (здесь обращает на себя внимание без какой-либо вуали адресованный монарху зачин **«Царь дурит...»**).

*Царь дурит – народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Чёрно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.*

Порой поэт добивается невероятной концентрации обрушивающихся на человека невзгод. Так, в стихотворении **«Еду ли ночью...»** (1847) **«совмещены все ужасы бедности, голода, холода»** (А. Григорьев): прошлое героини безотраднo, настоящее чудовищно, будущее безнадежно – в четырёх строфах, как в одном сильном аккорде, слито всё, что есть мрачного в поэтике Некрасова.

Вот почему один из цензоров, признавая талантливость поэта, с сожалением и не без доли справедливости доносил в 1856 году: **«Муза господина Некрасова – одна из самых мрачных, он всё видит в чёрном цвете»**.

* * *

И сразу же следует упомянуть ещё один отклик поэта на Крымскую кампанию – стихотворение **«Внимая ужасам войны...»** (1856). Это из тех произведений, которые с предельной отчётливостью обнаруживают глупину некрасовского мироощущения, его проникновение в самую суть.

*Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...*

*Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы –
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...*

Такова одна из граней в обрисовке женской доли-недоли, о которой Некрасов, как никто другой, писал проникновенно и с исключительным состраданием. Поэтому стоит упомянуть о ещё одном венке на его могиле с краткой надписью «*От русских женщин*».

В одном из последних произведений (поэма «**Мать**», 1872) сам поэт имел все основания сказать: «*Я всю жизнь за женщину страдаю*». А как программная для него эта тема была сформулирована в начале стихотворения «**В полном разгаре...**» (1862).

*В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! – русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.*

В одном из самых ранних стихотворений Некрасова, ставшем народной песней, с жестокой правдивостью рассказывается о том, как реальная жизнь убивает любые мечты молодости. И так – «**Тройка**» (1846), где начало наполнено восхищением перед неотразимым очарованием юной селянки.

*Что ты жадно глядишь на дорожку
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу –
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.*

*И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.*

*На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь...*

И вот такой красной дёвице на загляденье суждена беспросветная юдоль серой, горькой, «сермяжной» жизни, на которую обречены все и вся.

*Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.*

*И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни – появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.*

*И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасишь силу
И ничем не согретью грудь...*

Именно так, не оставляя ни малейших иллюзий. Поэтому в конце стихотворения «**Свадьба**» (1855), сказав невесте множество сплошных горестей, автор, хорошо зная жизнь, в отношении каких-либо надежд на так называемый «свет в конце тоннеля» говорит в последней строке: «*Бедная, лучше вперёд не гляди!*»

О том, что такой женщине счастье может привидеться только в грёзах, вещает один из высших шедевров Некрасова – поэма «**Мороз, Красный нос**». Начинается она настоящим гимном во славу тех, кому от природы дано всё для счастья.

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...*

Преклоняясь перед «красавицей, миру на диво», поэт, словно из рога изобилия, разбрасывает всё новые перлы восторга: «Пройдёт – словно солнце осветит! // Посмотрит – рублём подарит!.. Коня на скаку остановит, // В горящую избу войдёт!» – памятные строки, навсегда вошедшие в литературный портрет русской женщины.

Во второй части поэмы вводится полуметафорический, полуфантастический мотив, связанный с образом, давшим поэме название. Снег, холод, мороз уже многократно проступали в предшествовавшем повествовании, но теперь этот образ является «собственной персоной».

*Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.*

*Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?*

*Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?*

*Идёт – по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.*

Это из редких у Некрасова, но драгоценно-хрестоматийных пейзажных зарисовок. И как всегда у него – ничуть не самоценная данность, а то, что «работает» на смысловой стержень произведения. В данном случае у замерзающей в стуже женщины в мерцающем сознании засветилось чаемое – то, что не дала ей реальная жизнь.

*Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!*

*О чём она – Бог её знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней долнего счастья предел.*

*В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица...*

На этом многоточии поэма и заканчивается. Очнётся ли Дарья или навек застынет «в своём заколдованном сне» – не суть важно. Главное состоит в донесении трагизма авторской мысли: счастье русской крестьянки мыслимо только в забвении.

* * *

В известном стихотворном диалоге «**Поэт и гражданин**» (1856) со всей отчётливостью выражен один из резов гражданина, который стремится побудить поэта служить всеобщему благу.

*С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...*

Эта тирада завершается знаменитым –

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.*

И совершенно понятно, на что, по мнению Некрасова, должна быть «в годину горя» нацелена эта гражданственность. Он хотел видеть в русском писателе поборника интересов угнетаемых масс, отводил ему роль «учителя и по возможности заступника за безгласных и принижённых». Сам он был именно таким, и в письме

к умирающему поэту студенты Петербурга и Харькова называли его тем, «кто зажигал в нас жгучую любовь к народу и воспламенял ненависть к его притеснителям».

Даже когда Некрасов внешне смиряет свой социально-критический пыл, он не может обойтись без колких замечаний и гражданских подтекстов. Так, в поэме «Балет» (1866), перечисляя записных посетителей великосветских зрелищ, он отпускает по их адресу предельно резкую характеристику: «Безличная сволочь салонов».

И уже начисто забыв про «балет», возвращается к своей магистральной теме: «Тяжело ты – крестьянское горе!». Таким образом, произведение в целом оказывается построенным на противопоставлении бессмысленного и безнравственного коловращения праздных верхов и бедственного положения трудовых низов.

То, что делал Некрасов в искусстве, напрямую смыкалось с идеями возникшего в России середины XIX века народовольческого движения. В его представителях он находил цвет нации. Именно их поэт имел в виду, когда писал стихотворение «Памяти Добролюбова» (1864), где так примечательно восклицание:

*Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!*

И столь же красноречива категорически выраженная сентенция в заключительном безрифменном троестрочии.

*Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Некрасов принадлежал к когорте так называемых «шестидесятников» (люди передовой мысли, выдвинувшиеся в бурные 1860-е) и, представляя их наиболее радикальное крыло, отличался бескомпромиссностью своей гражданской позиции. Исходя из неё, стремление пробудить народ к борьбе за лучшую долю не ограничивалось у него общей боевой окрылённостью, но и приближало к той грани, когда он начинал звать Русь «к топору», как находим это в стихотворении «Душно без счастья» (1868).

*Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..*

Уже на исходном этапе своего творчества поэт пишет о страданиях народа так открыто и ярко, что печально известный литератор Ф. Булгарин доносит в III-е отделение: «Некрасов – самый отчаянный коммунист, он страшно вопиет в пользу революции». Для этого были определённые основания, так как он в качестве идеала шёл от постулатов, провозглашённых Французской революцией, именуя их «Братством, Равенством, Свободой» (стихотворение «Песня Ерёмушке», 1859).

Будучи выразителем идей и чувств революционной демократии, поэт увековечил в своих стихах и поэмах тяжёлый жребий, героизм и самоотверженность деятелей русского освободительного движения. В 1856 году был объявлен манифест об амнистии сосланным в Сибирь декабристам. И в начале 1870-х Некрасов создаёт две поэмы о декабристах, а также о тех их жёнах, которые последовали за ними в сибирскую ссылку: «Дедушка» (1870) и «Русские женщины» (1871-1872), где он сознательно сближает героев 1825 года с революционерами-народниками своего времени.

Прототипом героя первой из этих поэм отчасти послужил С. Волконский, по смерти которого в 1865 году герценовский «Колокол» писал: «Мир праху твоему, благородная жертва гнусного самодержавия, из любви к Отечеству променявший генеральские эполеты на кандалы каторжника».

Вторая поэма состоит из двух самостоятельных произведений, в каждом из которых отмечено время действия: «Княгиня Трубецкая (поэма в двух частях, 1826 год)» и «Княгиня М. Н. Волконская (Бабушкины записки, 1826-1827)». Всю поэму пронизывает чувство высочайшей гордости за подобных женщин.

В отклике на это произведение «Отечественные записки» в 1877 году чутко отметили актуальную направленность: «Героини Некрасова мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как стали бы мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время».

Только что говорилось о запечатлённом в стихах поэта тяжёлом жребии подвижников свободы. Но точно так же можно говорить и о терновом венце некрасовской Музы. В стихотворении, ей посвящённом («Муза», 1852), он признаёт, что для неё была уготована участь «Печальной спутницы печальных бедняков, // Рождённых для труда, страданья и оков». Это происходило из того предназначения, которое Некрасов ощущал изначально – как говорится о том в стихотворении «Умру я скоро...» (1867).

*Я призван был воспеть твои страданья,
Терпением изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведёт.*

Понятно, что упоминая о «зlobe сердца», то есть о том главном, что питало творчество Некрасова, он с горечью констатирует в поэме «Саша» (1855) о своей поэзии: «Много в ней правды, да радости мало...» Но такая уж была та удивительная эпоха – эпоха, вызвавшая к жизни людей, близко принимавших к сердцу горе народное. Об этом писал и сам Некрасов (стихотворение «Мать», 1868).

*Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее – тернового венка...*

Вновь и вновь осмысливая путь своей поэзии, Некрасов подчёркивал, что поскольку её смысл составляет «та любовь, **что** добрых прославляет // И **что** клеймит злодея и глупца», тем самым её направленность неизбежно «венцом терновым наделяет // Беззащитного певца». Последнее поэтическое слово, произнесённое Некрасовым, опять-таки касалось его творчества, которое так не жаловали власть имущие: «эту бледную, в крови, // Кнотом иссечённую Музу...»

Окончание следует.

Информация об авторах | Author information

RU

Демченко Александр Иванович¹, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Международного центра комплексных художественных исследований
¹ Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

EN

Demchenko Aleksandr Ivanovich¹, Dr
¹ International Center of Complex Artistic Research, Saratov State Conservatory

¹ alexdem43@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.